

Ложное алиби и проблема пластичности автобиографических воспоминаний

Иванова Анна Александровна¹, Салихова Альбина Борисовна²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет психологии, Москва, Россия; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: funambulist.ak@gmail.com

Одним из основных и наиболее любопытных свойств автобиографической памяти является ее пластичность, то есть возможность трансформироваться, изменяться в течение жизни. Безусловно, такое ее свойство является не случайностью, а адаптивным механизмом, позволяющим человеку в опоре на свой прошлый опыт подходящим для текущего статуса его идентичности образом отвечать на задачи настоящего и успешно предсказывать будущее (Нуркова, 2015).

В другом контексте именно пластичность воспоминаний является скорее «грехом памяти» (Shacter, 1999), а не ее преимуществом. Самым ярким примером здесь можно назвать ситуацию судебного заседания, где часто именно степень доверия к воспоминаниям его участников определяет исход дела, а ошибки стоят слишком дорого. Поэтому изучение факторов, влияющих на субъективную достоверность автобиографических воспоминаний, становится актуальной проблемой данного исследования.

Именно в судах людям часто по тем или иным причинам приходится сознательно изменять свои рассказы о разных событиях прошлого, однако остается загадкой, что при этом происходит с реальными воспоминаниями. Исследование влияния намеренной лжи об автобиографических воспоминаниях на субъективную их достоверность показало существование «эффекта мнемического отречения» (Нуркова, 2015). Его суть в следующем: если человек намеренно отрицает истинность реально происшедшего с ним события, он более вероятно его забудет или станет сильнее сомневаться в его достоверности, чем если бы он этого не делал. Это дает возможность утверждать, что ретроспективное влияние такого действия, как создание себе, например, ложного алиби, может реально сказаться на содержании автобиографической памяти. Поэтому в этом исследовании мы сфокусировались на тех факторах, которые могут оказывать влияние на выраженность «эффекта мнемического отречения», предположив, что степень субъективной достоверности воспоминания может зависеть как от содержания самого воспоминания (а именно: от его субъективной значимости), так и от ситуации, в которой испытуемому приходится «врать» об этом событии.

Испытуемыми стали 23 участника «Летней Школы - 2015» (8 мужчин и 15 женщин), возраст которых составлял от 18 до 35 лет (средний возраст - 23 года). С каждым испытуемым эксперимент проводился в индивидуальном порядке. В вводной беседе мы просили вспомнить испытуемого 6 различных воспоминаний из его прошлого, носящих характер автобиографических (то есть воспоминаний о нем самом в прошлом, произошедшем более чем год назад), но произошедших не более двух лет назад, чтобы исключить случайные смещения, связанные со слишком большим различием давности воспоминаний. Содержание 3 воспоминаний нашей инструкцией задавалось как важное, лично значимое для испытуемого, которые он мог бы оценить на 10-бальной воображаемой шкале значимости/важности воспоминаний на 9-10 баллов. Три других воспоминаний мы просили выбрать с наименьшей возможной субъективной важностью, которые были бы рядовыми, заурядными и могли бы получить на той же самой шкале 1-2 балла. Мы записывали все 6 воспоминаний, после чего случайным образом выбирали по два воспоминания (одно значимое и одно не значимое) для каждой из двух следующих экспериментальных серий и

два контрольных воспоминания, воздействия на которые не производилось. Испытуемому сообщалось, что исследование посвящено восприятию людьми лжи в рассказах о личном прошлом, а саму испытуемому досталась роль одной из моделей такого ложного рассказа. В одной экспериментальной ситуации мы просили нашего испытуемого в коммуникации с якобы другим участником исследования, который на самом деле был нашим помощником, убедить его в ложности двух собственных воспоминаний, при этом стараться соврать так, чтобы другой участник не понял, что ему врут. В другой экспериментальной ситуации мы инсценировали судебное заседание, для чего в соответствующих для суда декорациях один из помощников экспериментатора играл роль судьи, допрашивающего нашего испытуемого о событиях из его жизни. Испытуемый оказывался в роли подсудимого, задачей которого было убедить суд в том, что двух реально происходивших с ним в его жизни событий на самом деле не было, поскольку от того, поверит ли ему в этом суд, зависит вердикт суда и якобы его дальнейшая судьба. Таким образом мы создавали ситуацию с высокой мотивацией быть убедительным. Через 3-4 дня испытуемому предъявлялось краткое описание его шести изначальных воспоминаний с просьбой оценить по 7-бальной шкале свою уверенность в том, что данные события действительно происходили в его жизни.

Мы сравнили субъективную уверенность в достоверности значимых и не значимых воспоминаний. Испытуемые снижали свою уверенность как для значимых воспоминаний (39% испытуемых), так и для не значимых (80% испытуемых), однако уверенность в реальности значимых эпизодов была значимо выше (критерий Краскела-Уоллиса: хи-квадрат=31,2, $p=0.00$). Ситуация лжи не влияла на уверенность в истинности незначимых воспоминаний, однако для субъективно значимых эпизодов такое различие было выявлено. Уверенность в достоверности воспоминаний, которые испытуемый ложно отрицал в «суде», была значимо выше достоверности контрольных воспоминаний (критерий Манна-Уитни, $z=-2.316$, $p=0.02$) и на уровне тенденции выше достоверности воспоминаний, которые он ложно отрицал в ситуации демонстрации коммуникативных навыков ($z=-1.701$; $p=0.09$). Различий в достоверности контрольных воспоминаний и воспоминаний коммуникативной ситуации не было ($z=-0.720$; $p=0.472$). Количество испытуемых, снизивших оценки своих воспоминаний из ситуации «суда» было всего лишь 26.1%, при этом в коммуникативной ситуации таких оказалось 43.5%, а в контрольном условии - 47.8%.

Следовательно, факторы мотивационной насыщенности ситуации лжи и субъективной значимости воспоминаний влияют на выраженность «эффекта мнемического отречения». Уверенность в достоверности значимых воспоминаний, по сравнению с воспоминаниями субъективно не значимыми, в меньшей степени подвержена этому эффекту. Высокая мотивационная нагрузка ситуации ложного отрицания достоверности воспоминания оберегает воспоминания от забывания, то есть препятствует снижению уверенности в реальности события и сдерживает проявление «эффекта мнемического отречения».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти» (№15-36-01045).

Источники и литература

- 1) Schacter D. L. 1999. The seven sins of memory. Insights from psychology and cognitive neuroscience. *American Psychologist*. 54, 182 – 203.
- 2) Нуркова В. В. 2015. Проблема неточности воспоминаний в перспективе многокомпонентной модели памяти. *Мир психологии*. 2(82), 35 – 49.

- 3) Нуркова В. В. 2015. Забыть нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний. Психология и право 2. [Электронный ресурс] URL: <http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Nourkova.phtml> (дата обращения: 08.12.2015).